

РЕДУПЛИКАЦИЯ В ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКАХ

Алисултанов Алисултан Султанмурадович

Общая характеристика работы

Реферируемая работа посвящена исследованию структурных и функциональных особенностей редупликации в системе лезгинских языков. Хотя данное явление активно разрабатывается в современной лингвистике, все же многие аспекты редупликации до конца не получили своего истолкования. Так, если обратиться к материалам лингвистических словарей, можно обнаружить отсутствие исчерпывающей классификации типов редупликации, как с формальной, так и с содержательной стороны. Более того, сам термин, отражающий данное языковое явление, до последнего времени не был устоявшимся, поскольку само понятие редупликации, а так же и связанные с ним проблемы находятся на периферии лингвистических исследований.

Для более адекватной интерпретации морфологического статуса редупликации необходимо определение ее основных дифференциальных признаков посредством соположения со смежными понятиями. Ряд параметров демонстрируют, например, сходство редупликации с таким морфонологическим явлением, как сингармонизм и вообще вариантность аддитивных морфем, имеющих распределенные фонетически алломорфы (ср. формы эргативного падежа некоторых лезгинских существительных: цТар 'линия' > ц!арц!и; чар 'бумага' > чарчи\ ч!ар 'волос' > ч!арч!и\ жин 'джинн' > жинжи). Подобные явления не могут быть квалифицированы как редупликация, поскольку, здесь достаточно очевидно вычленяется исходный вид морфемы, видоизменяющейся под влиянием определенных фонетических условий.

Удвоение целого слова (ср. рус. еле-еле, белый-белый), по характеристике В. А. Виноградова [ЛЭС 1990], смыкается со словосложением. Логически такое удвоение может быть детерминировано как частный случай словосложения, при котором компоненты сложного слова оказываются тождественными.

В диссертации принята точка зрения, согласно которой линию демаркации между композитами и редуплицированными комплексами можно проводить на основе соответствия редупликации тем или иным моделям образования сложных слов.

Адекватная квалификация редупликации затрагивает также отношение повторов к фразеологизмам. Кроме того, важным представляется и тот факт, что не всякое удвоение можно рассматривать как действительную редупликацию. Так, например, нельзя относить к редупликации, например, удвоенные формы рефлексива некоторых союзов типа лезг. гагь..., гагь 'то..., то', я..., я 'либо..., либо', гьам..., гьам 'как..., так (и)' и т.п.

Объектом исследования в данной диссертационной работе являются речевые произведения с редуплицированными единицами в дагестанских языках, и, главным образом, в лезгинских языках.

Предметом исследования стали, во-первых, формальные, функциональные и семантические характеристики редупликации в лезгинском, табасаранском, рутульском, агульском, цахурском, арчинском, будухском, крызском, хиналугском и удинском языках; во-вторых, выявление возможной классификации редуплицированных языковых единиц в исследуемых языках; в-третьих диагностика грамматической и лексической продуктивности редупликации в дагестанских языках вообще и в лезгинских языках в особенности.

Актуальность избранной темы диссертации обусловлена

необходимостью выявления сущности редупликации в ее различных проявлениях, что требует привлечения к исследованию материала различных языков мира с учетом не только «прототипических», хрестоматийных случаев, но и всего диапазона поверхностных реализаций с целью четкого разграничения исследуемого явления и смежных категорий. Нельзя не отметить также ту роль, которую играет проблематика способов проявления

редупликации в таких областях лингвистики, как психолингвистика, особенно в связи с изучением специфики детской речи, процессов овладения языком в детском возрасте. Такое свойство редупликации, как иконичность, делает ее весьма важным компонентом в исследовании знаковых систем. Это свойство увязывается в лингвистической литературе, прежде всего, с характерными для редупликации функциями выражения множественности.

Актуальность названной проблемы в дагестанском языкознании подтверждается отсутствием публикаций по данному вопросу, с одной стороны, и, с другой - нерешенностью целого ряда задач грамматики и лексикографии. К числу которых относится неопределенный статус форм, образованных путем эхо-редупликации: во-первых, в грамматиках им практически не уделяется внимания, если не считать беглого обзора в разделе «Словообразование», во-вторых, словари практически не фиксируют эти формы, даже если это касается их нестандартной семантики. Адекватная интерпретация редупликации в диссертации представляется также существенным фактором верификации сравнительно-исторических построений, особенно в связи с теорией моноконсонантизма кавказского корня. Особого внимания требует исследование редупликации при наличии семантических и значительных фонетических изменений, которые требуют идентификации привлекаемых к анализу лексем и их компонентов, что предполагает проведения комплекса операций, увязываемых со сравнительно-историческим исследованием материала, равно как и с семантическими и типологическими процедурами.

Цель и задачи работы. Основной целью работы является сравнительное изучение различных видов редупликации в лезгинских языках с точки зрения выявления как ее структурных типов, так и выражаемой ими семантики.

При достижении этой цели в диссертации были поставлены следующие

конкретные задачи:

1. Исследование особенностей редупликации в лезгинских языках на основе их сопоставления со смежными структурами как в рамках словоизменения, так и в пределах словообразования,

Как показывает анализ современных лезгинских языков, сфера функционирования в них редупликации весьма широка. Основным подразделением различных видов редупликаций с функциональной точки зрения является разграничение формообразовательной и словообразовательной редупликации.

2. Определение возможностей классификации типов редупликации с точки зрения формальной, семантической и функциональной.

3. Выявление элементарных типов семантических отношений, передаваемых отдельными редуплицированными комплексами.

4. Диагностика функций редупликации в дагестанских языках.

5. Определение общелезгинского наследия в грамматической системе лезгинских языков в области редупликаций.

Научная новизна работы, прежде всего, заключается в выборе объекта исследования: изучение типов редупликации как с формальной, так и с семантико-функциональной позиции до сих пор не являлось предметом монографического исследования на материале лезгинских языков, равно как и в дагестановедении в целом. Таким образом, в настоящей работе впервые в изучении дагестанских языков всесторонне исследованы в сопоставительном аспекте формальные и содержательные типы редупликации; представлена их классификация, выявлены и подробно описаны все типичные случаи их функционирования, осуществлено детальное их сопоставление в синхронии и диахронии.

Теоретическая значимость диссертации определяется сравнительным анализом различных типов функционирования редупликации, существенным вкладом в изучение теории морфологии кавказских языков в теоретическом отношении, для разработки принципов их описания. Осуществленный в работе комплексный анализ проблем, связанных с функционированием редупликации в языках различной морфологической структуры, во многом восполняет имеющийся до настоящего времени пробел в исследовании морфологической структуры лезгинских и других дагестанских языков, обогащает методику сопоставительной морфологии результатами, полученными на новом языковом материале.

Практическая значимость состоит в выявлении новых фактических данных. Результаты исследования могут стать основой для сопоставительно-типологического изучения морфологии лезгинских и родственных дагестанских языков, особенно в аспекте морфологической типологии.

Выводы и наблюдения, содержащиеся в настоящей диссертации, могут найти практическое применение при составлении научных, вузовских и школьных грамматик, словарей, учебных пособий по исследуемым языкам для учителей дагестанских школ, и др.

Разработка проблемы редупликации обогащает также практические рекомендации, касающиеся орфографии.

Методы исследования. Приемы и методы исследования, использованные в настоящей диссертации в целом квалифицируются, как характерологические с учетом не только сходжений в сопоставляемых структурах, но и различий в средствах выражения тождественных значений, что является оправданным как в теоретическом, так и в учебно-методическом плане. В работе использованы описательный, сравнительно-исторический и сопоставительно-типологический методы.

Гипотеза исследования. Исследование должно позволить выявить новые закономерности в структурной, функциональной и семантической интерпретации редупликации в лезгинском, табасаранском, рутульском,

агульском, цахурском, арчинском, будухском, крызском, хинапугском и удинском языках. Редупликация проявляется как грамматическое и лексическое средство.

Методологической основой послужили исследования отечественных и зарубежных лингвистов, исследовавших проблемы редупликации в языках различной генеалогии и структурного устройства. В основу диссертационной работы положены идеи и мысли таких исследователей, как П.К. Услар, В.И. Абаев, А.Е. Кибрик, М.Е. Алексеев, С.М. Хайдаков, И.А. Мельчук, Ф.И. Рожанский, В.А., Гигинейшвили Б.К., Ибрагимов Г.Х., Мейланова У.А. Плунгян, Р.И. Гайдаров., А.Г. Гюльмагомедов, И.Х. Абдуллаев, Г.Т. Бурчуладзе, Н.Д. Сулейманов, Д.С. Самедов, К.К. Курбанов, З.Г. Абдуллаев, Г.И. Мадиева, Ч. Хоккет, М. Моор, Е. А. Моравчик, Е.У. Хопкинс, А.Ф. Потт и др.

Материалом и источниками исследования послужили словари лезгинских языков: лезгинско-русский [Талибов, Гаджиев 1966], табасаранско-русский [Ханмагомедов, Шалбузов 2001], агульско-русский [Сулейманов 2003; Рамазанов 2010], рутульско-русский [Джамалов, Семедов 2006], цахурско-русский [Ибрагимов, Нурмамедов 2010], арчинско-русский [Кибрик и др. 1977], будухско-русский [Мейланова 1984], удинско-азербайджанско-русский [Гукасян 1974] и хиналугско-русский [Ганиева 2002], а также работы дагестановедов, посвященные рассматриваемому явлению. К сожалению, специалисты по дагестанским языкам не так много внимания уделяли данной проблеме. В силу этого многие вопросы в диссертации исследуются на материале, собранном автором в ходе полевых исследований, а также в результате анализа произведений художественной литературы на лезгинских языках.

На защиту выносятся следующие основные положения диссертации:

1. Редупликация представляет собой морфонологическое языковое явление, в основе которого лежит полное или частичное повторение корня, основы или целого слова без изменения их звукового состава. В то же время различаются разновидности эхо-редупликации.
2. В лезгинских языках редупликация характеризуется полифункциональностью. Она выступает в виде словоизменительного и словообразовательного средства, а в определенных случаях она исторически присуща ряду лексем исследуемых языков. Она объединяет случаи грамматической и лексической редупликации.
3. Процедура сравнительного анализа редупликации в лезгинском, табасаранском, рутульском, агульском, цахурском, арчинском, будухском, крызском, хиналугском и удинском языках открывает новые перспективы изучения морфологии и лексики лезгинских языков.
4. Системное исследование редупликации в лезгинских языках позволяет установить семантику, характерную для отдельной редуплицированной части речи в каждом из сравниваемых языков.
5. Степень мотивированности редупликации в процессе номинации позволяет представить структурную, семантическую, функциональную, а также лексико-тематическую классификацию звукоизобразительной и звукоподражательной лексики в исследуемых языках.

Апробация и публикации. Основные положения, изложенные в данном исследовании, были обсуждены на международных, всероссийских, региональных, внутривузовских научных и научно-практических конференциях. Проблемы, связанные с темой диссертационного исследования, были изложены в серии публикаций общим объемом более 25 п.л., в том числе в журналах «Известия ДГПУ», «Вопросы филологии», «Искусство и образование», и трех монографиях.

Структура и объем исследования. Данная работа структурно состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка источников и списка использованной литературы.

Диссертация изложена на 274 страницах.

Основное содержание работы. В о введении сформулированы объект, предмет, цели и задачи исследования, а также обоснованы актуальность темы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость. Описаны методы исследования, материалы и источники, использованные в данном изыскании, а также основные положения, выносимые на защиту, и определяется методологическая основа. Подчеркивается полифункциональный характер редупликации, приводится ее рабочее определение.

В первой главе «Редупликация как грамматическое средство» последовательно анализируются редуплицированные формы в словоизменении различных частей речи. Среди множества разновидностей редупликации существительных в современных лезгинских языках выделяется модель, выполняющая функции «дистрибутивного множественного», которая в грамматических описаниях лезгинских языков относится, как правило, к словообразованию наречий: лезг. твар-твар 'по зернышку, помалу' (из твар 'зернышко'); стлал-стлал 'по капельке' (из стлал 'капелька'); таб. тки-тки 'по кусочку, по немногу' (из тки 'кусочек'); литлан-литлан 'по капельке' (из литлан 'капля'); будух. даста-даста 'группами'; пилте-пште 'хлопьями'; лака-лака 'пятнами' (ср. лака 'пятно'); удин. кlotlor-кlotlor 'кусками, по кускам' (кlotlor 'кусочек, часть, ломтик'); рут. маьх-люьхь пригоршня, маьх-маьхьне пригоршнями (из маьхь 'горсть', кlabал-кlabал 'группами' (из кlabая 'группа'); агул, джут-джут 'попарно, парами' {джут 'пара'} и т.п. Имеющиеся разновидности рассматриваемого типа редупликации касаются: во-первых, наличия/отсутствия в редуплицированных комплексах адвербиального показателя; во-вторых, использования этих комплексов в качестве наречий или же в качестве компонентов сложных глаголов.

Несколько иная роль выявляется у редуплицированных имен с абстрактной временной семантикой, т.е. у имен, обозначающих временные отрезки, не определенные с точки зрения длительности и т.п. Здесь редуплицированный комплекс приобретает значение множественности, неоднократности (рут. кlyб-кlyб 'часто', ара-ара 'иногда, временами' при ара 'промежуток, интервал...').

Случаи употребления редуплицированных комплексов в иных значениях довольно редки. Все они могут рассматриваться как результат определенного преобразования исходной дистрибутивной семантики (ср. буд. дама-дама сьъуь 'играть в шашки' при дама 'шашка').

Возникновение повторов названного типа увязывается в диссертации с тюркским влиянием. В частности, многие из рассмотренных выше лексических единиц являются непосредственно заимствованными, хотя наличие редуплицированных комплексов, образованных от исконных лексических единиц, говорит о том, что заимствованы не готовые лексические единицы, а редупликация как грамматическое (словообразовательное) средство. К тому же в кумыкском языке выделяются формы, связанные с экспрессивным выражением множественности.

Второй тип редупликации существительных, получивший в диссертации именование «эхо-редупликация», достаточно хорошо представлен не только в дагестанских, но и во многих других языках Востока (с формальной позиции рассматриваемая модель характеризуется как "неточная редупликация"). В качестве основного значения рассматриваемой модели редупликации выделяется значение "X и подобное", что, на наш взгляд, адекватно вписывается в определение репрезентативной множественности. С точки зрения плана выражения, наиболее распространена модель именно такого рода повтора с изменением начального согласного второго компонента на м: лезг. верч-мерч 'куры и другие домашние птицы' (из верч «курица»); як-мак 'мясо и другие мясные продукты' (из як «мясо»); агул, gtrr 'чашка' - gitr-mur 'чашки или другая посуда', han 'одежда' - kap-gap 'одежда и другие подобные вещи'.

Анализ семантики подобных комплексов позволяет выделить класс употреблений со значением пейоративности (презрение, пренебрежение и т.п.: лезг. аха ада кьежей пекинал суфрадилай фан, хуьрекап клус-мус tdeatnl хьувуна [А.А.] «потом она мокрой тряпкой со скатерти хлеба, еды остатки (кусочек и т.п.) собрала»), В данных примерах репрезентативное значение модели 'множество объектов, подобных X' выявляется достаточно рельефно.

Еще одна группа примеров выражает включение в совокупность не только объектов, подобных выраженному исходной формой, но также и тех объектов, которые присущи описываемой

ситуации: лезг. Назлуди исятда чай-май гьйда, ичкгши [А.А.] «Назлу сейчас чай и т.п. (т.е. то, что положено к чаю) принесет, и выпивку».

В ряде случаев редуплицированная форма подчеркивает разнообразие объектов, описываемых ею: лезг. ... инсан-минсанни гзаф аквазвай [А.А.] «... и разных людей много было видно».

При именах обобщенной семантики редуплицированные формы приобретают прономинальное значение. В положительных предложениях такие формы выполняют роль неопределенных местоимений: лезг. ли аялриз зат1-мат1 кьачуз туьквенраз фена [А.А.] «он детям что-нибудь купить по магазинам пошел»). В отрицательных предложениях эти формы, естественно, выступают в роли кванторных отрицательных местоимений.

Отмечен ряд случаев, где редупликация приобретает идиоматический словообразовательный характер. Ср. уд. к!ак!улла-мак!улла — название детской игры в "чижики". При отсутствии самостоятельной мотивирующей основы семантическую структуру данного комплекса анализировать сложно.

В плане формального варьирования в лезгинских языках отмечены и иные виды неточной редупликации. В первую очередь, здесь можно отметить наличие других согласных, выступающих в качестве субститута начального согласного исходной основы, охватывающих практически весь диапазон вариативности по месту образования: рут. уен-бу'ен 'то-сё; то да сё'; ч!а!ра!кь-п!а!ра!кь выъыын 'галдеть'; руг-дуг гьыъын 'разбивать вдребезги'; ихр. да!ваъ-ша!ваъ 'драка, скандал, нелады'; гь!а!пыр-ча!пыр 'хлам, барахло'; рут1-кьут1 гьаькъын 'изнашивать, износить, разорвать в клочья' и т.д. В ряде случаев в силу отсутствия самостоятельного функционирования какого-либо из компонентов рассматриваемого редуплицированного комплекса можно считать, что редупликация здесь имеет левосторонний характер, хотя, как мы полагаем, нет оснований отступать здесь от общего правила правосторонности редупликации.

Второй разновидностью неточной редупликации являются чередования гласных.

Редуплицированный компонент при этом может приобретать носовой признак гласного: буд. гьай-гьуй 'шум, гам'; рут. тарап-туруп 'шум, скандал; шей-шуй 'всякое барахло, всякая всячина'; буд. г!аиел-гийсл 'ребенок, дитя'; и т.д.

Поскольку функциональная нагрузка различных формальных типов эхо-редупликации практически совпадает, в языках функционируют разного рода дублиеты, например, рут. гада-гуда 'мальчишка, несерьезный человек' и гада-бада (значение то же). Кроме того, семантика редуплицированных комплексов и их нередуплицированных коррелятов не всегда дифференцируется.

В диссертации проводится мысль, согласно которой от собственно эхоредупликации следует отличать неточную редупликацию в звукоподражаниях и идеофонах, особенно в тех случаях, когда ни один из компонентов самостоятельно не используется. Данный тип редупликации также формируется в дагестанских языках под влиянием тюркских языков на фоне: во-первых, всего контекста тюрко-дагестанских контактов (в дагестанские языки рассматриваемое явление могло проникнуть именно с многочисленными лексическими тюркизмами); во-вторых, широкого распространения этого явления в обеих семьях языков.

Редуплицированные прилагательные, проявляющие свойство иконичности, обычно выражают идею множественности, разнообразия. Среди них можно выделить прилагательные, образованные от существительных и имеющих значение 'обладающий множеством...; покрытый множеством...': буд. чилчш 'веснушчатый'; уд. зол-зол 'полосатый'; рут. хар-хар йишид 'крупчатый (о масле)' и др.

Непродуктивной в лезгинских языках является модель редупликации со значением слабой степени качества. Она представлена в буд. чиг-чиг 'сырой, сыроватый' при чиг 'сырой, несваренный'; уд. кедже-кедже 'кисло-сладкий, кисловатый' при кедже 'кислый'.

В ряде случаев редупликация сопряжена с множеством соответствующих референтов: уд. гъуй-гъуй 'толстые, потолще' при гъуй 'толстый'; лезг. гъвечIи-гъвечIи 'маленькие, самые маленькие'.

В рутульском языке выделяется нетривиальный тип редупликации, заключающийся в повторении начального согласного в исходе основы: хъуьлуьхътды 'полный, толстый'; хуIлаIх-ды 'длинный'. В плане семантики обращает на себя внимание выражение обоими прилагательными большого размера.

Тюркские языки обладают специфической моделью, так в кумыкском имеем «модель частичной редупликации с повторением первого слога прилагательного, ср.: кап-кара 'черный-пречерный', кижичи-кажи 'всякие люди'.

В некоторые лезгинские языки проникла тюркская модель префиксальной (левой) редупликации прилагательных с редупликатом -слогом типа СУР, где Р - губной согласный. Ср. уд. кедже 'кислый'-кепкедже 'очень кислый'.

Пути редупликации основы простых количественных числительных образуются в рассматриваемых языках распределительные числительные.

Особенности функционирования распределительных числительных в отдельных языках тесно связаны с морфологическими и функциональными особенностями соответствующих количественных числительных. Так, в лезгинском, агульском и удинском языках для числительных не характерна категория классно-именной дифференциации, присущая остальным анализируемым языкам. Ср. лезг. са(д)-сад (по одному; по одиночке; поочередно' (из сад 'один'); кьве(д)-кьвед 'по два; попарно' (из кьвед 'два'); пуд-пуд 'по три' (из пуд 'три'); цIуд-цIуд 'по десять' (из цIуд 'десять'); цIусад-цIусад 'по одиннадцать' (из цIусад 'одиннадцать'); цIерид-цIерид 'по семнадцать' (из цIерид 'семнадцать'); кьад-кьад 'по двадцать' (из кьад 'двадцать'); вчш-виш 'по сто' (из вши 'сто') и др.; агул. са(д)-сад (по одному; по одиночке; поочередно' (из сад 'один'); кьве(д)-кьвед 'по два; попарно' (из кьвед 'два'); пуд-пуд 'по три' (из пуд 'три'); гIуд-уIуд 'по десять' (из гIуд 'десять'); цIусад-цIусад 'по одиннадцать' (из цIусад 'одиннадцать'); цIерид-цIерид 'по семнадцать' (из цIерид 'семнадцать'); кьад-кьад 'по двадцать' (из кьад 'двадцать'); виш-виш 'по сто' (из виги 'сто') и др.

В других языках при наличии классно-именной категории сам набор именных классов, арсенал классно-именных формантов, а также порядок их размещения в структуре числительных специфичны для каждого языка.

В диссертации обращается внимание на то, что русским словосочетаниям «предлог по + числительное + существительное» с распределительным значением, выступающим в объектной функции, соответствуют в лезгинских языках два члена предложения: существительное в объектной функции и распределительное числительное в обстоятельственной. Ср.: таб. Керимдира шилар ю-юкьубди хруган, [А.Дж.] «Когда и Керим приносил по четыре снопа (букв, «приносил снопы по четыре)...».

Функционально дистрибутивные числительные аналогичны дистрибутивным формам имен существительных. По этой причине, в литературе выдвигаются предложения объединять отнумеративные и отсубстантивные формы в единую категорию распределительных наречий. Поскольку в редупликации существительных отмечаются очевидные параллели дагестанских и тюркских языков, в поисках истоков этого явления также целесообразно обратиться к данным

последних языков. Между тем, в тюркских языках основной способ образования данного лексико-грамматического разряда - суффиксальный, в то время как редупликация (причем суффицированной формы) носит вспомогательный, дополнительный характер. Последний способ в дагестанских языках является практически единственным, хотя при этом имеет место ряд морфологических процессов, что позволяет думать о развитии этого явления на собственно дагестанской почве в единой системе с существительными, где, впрочем, семантика распределительности не получила категориального оформления. На этом фоне нельзя не обратить внимания на предположение, что однотипное образование разделительных числительных посредством редупликации во всех дагестанских (и кавказских) языках есть отражение языковых особенностей этого разряда числительных.

Как было показано выше, редулицированные наречия со значением распределительности (дистрибутивности) могут быть получены в результате редупликации существительных. Кроме того, в лезгинских языках имеется и редупликация собственно наречий, имеющая несколько иные условия ее функционирования. Семантика же рассматриваемых редулицированных форм проявляется в различных языках по-разному.

В отдельную группу можно выделить наречия времени, образованные от соответствующих прилагательных, с кванторным значением всеобщности: таб. йишван-йишван (< йишван 'ночной'), агул. тпиг. ь'ушан-ь'ушан; лезг. йифеп-йифен 'еженощно, каждую ночь'. Можно предполагать, что значение всеобщности в этих лексемах является развитием значения дистрибутивности.

Пространственные редулицированные наречия представлены примерами типа уд. хьош-хьош 'назад, вспять' (хьош 'сзади, позади').

Широко распространено в лезгинских языках функционирование редулицированных качественных наречий, образованных от адъективных основ, ср. таб. ц1и-ц1ибди (ц1иб-ц1ибди) 'мало-помалу, понемногу' от ц1иб 'малый; мало'; буд. дыхта-дыхта 'быстро, спешно' (ср. дыхта 'часто'; 'спешный, безотлагательный, срочный'); рут. кьуру-кьурунаь 'сухо' (// кьурунаь то же); агул. йаваш-йаваш 'медленно, тихо'; уд. аях-аях//аьех-аьех 'без соли, совсем пресно' (ср. аях // аьех 'несоленный, без соли, пресный') и т.п.

Редупликация деепричастий широко распространена в собственно лезгинском языке. Характер ее проявления позволяет, с одной стороны, рассматривать ее на фоне редупликации наречий и, с другой стороны, не увязывать ее с фактами редупликации глагольных основ. Кроме того, редупликация деепричастий играет далеко не последнюю роль в дифференциации собственно деепричастия и целевой формы в лезгинском языке.

В целом истоки редулицированных деепричастных форм в лезгинском языке достаточно очевидны: они обусловлены азербайджанским влиянием. В азербайджанском языке «деепричастия на -а/-э употребляются только попарно; они служат не только для выражения длительности действия, но и для указания на манеру и сам характер протекания действия, например, Баз ансаалар бирбирштзи в]рэнв- в]рэнв гочалырыг «Мы, люди, изучая друг друга, стареем»; О кулэ- кулэ данышырды «Он, смеясь, говорил» [Гаджиева 1966: 82].

В других лезгинских языках рассмотренное выше явление представлено не столь широко. В табасаранском языке, как и в лезгинском, редупликация деепричастия, по-видимому, имеет факультативный характер, поскольку не обладает функциональной нагрузкой.

В остальных лезгинских языках можно обнаружить лишь единичные примеры деепричастных по происхождению редулицированных наречий с дистрибутивным значением.

Редупликация глагольных основ в той или иной степени представлена практически во всех лезгинских языках, хотя условия ее функционирования, равно как и семантика редуплицированных форм проявляется в различных языках по-разному.

В лезгинском глаголе редупликация имеет место в формах повелительного наклонения. В некоторых лезгинских диалектах редупликация не ограничивается конкретной глагольной словоформой, но характеризует глагольную основу во всей парадигме словоизменения: фийск. кьуркьу 'сохнуть' (лит. кьурун), хурху 'ткать' (лит. хурун), чурчу 'жарить' (лит. чурун), джабинск. хырхы" 'вязать', кьуркьу" 'сохнуть', гьргы" 'варить' (лит. ругун), докузпар. хутху" (лит. тухун) 'отнести', хырхы" 'вязать, ткать', гьргы" 'варить', кьыркьы" 'вялить, сушить'.

В табасаранском и агульском языках редупликация не отмечена, хотя в агульском имеется несколько глаголов с редуплицированной основой, которая достаточно хорошо мотивируется семантикой этих глаголов, предрасполагающей к звукоизображению.

В рутульском языке зафиксирован ряд глаголов с исторически редуплицированной основой: кьшкьас 'дрожать', джирджес 'жарить' (ср. мухад. йидже-гьыгын 'жарить'), гьргас 'вести' - борч.-хн. кьркас (мухад. тж. йиргас, мюхр. гьыгас), гьургъвас 'гулять' (борч.-хн. рудгъун, ср. тж. ругъвас 'быть круглым'), хурхеас 'вязать'- мюхр. хьрхас, - борч.-хн. хьрхын, хьрхас 'ткать', [ср.: Алексеев 1985: 87]

В цахурском языке к редуплицированным глаголам можно отнести, например, лексемы ухьйхъанес 'пасти' и выггыгАас 'чесаться'. Кроме того, в ряде глаголов, число которых весьма ограничено, с помощью редупликации противопоставляются некоторые видовые основы, причем активные (переходные) глаголы имеют редуплицированную основу несовершенного вида (дуратива), а стативные - основу совершенного вида (терминатива).

Наиболее разнородны примеры редупликации в арчинском языке. Здесь регулярно редуплицируются формы дуратива, императива и масдара

В крызском языке редуплицируется основа несовершенного вида (дуратива) нескольких глаголов с основой С/П. При редупликации конечный VII усекается: джир-идж 'жарить' — дур. джидж-ри, зым-ыдж 'мыть' — дур. зыз-на, шил-идж 'прясть' — дур. шиш-пи и др.

Что касается сравнительно-исторической интерпретации перечисленных выше фактов, в работе находит подтверждение предположение о связи редупликации со специфической корневой структурой целым рядом межъязыковых соответствий: лезг. импер. чуруж, фийск. чурчу, рут. джирджес, арч. импер. чуреча, крыз. дур. джидж-ри «жарить». Этот глагол имеет редуплицированные формы и за пределами лезгинской группы, ср. бежт. зизАл, гуыз. жежа 'жарить(ся)' < общедая. *ч(Гт/4'Ё(£г [Мко1ауеу, 81аго5^п 1994: 643] и др.

Во второй главе «Лексическая редупликация» отмечается, что лексическая редупликация в отличие от грамматической мотивируется семантической природой слова, не будучи противопоставленной соответствующей нередуплицированной форме. Признаки, позволяющие говорить о редупликации в подобных случаях, вытекают из самого характера номинации, когда «основой наименования может быть не только четкое представление именуемого объекта действительности, но и чувства, эмоциональное состояние именуемого субъекта» [Языковая номинация 1977: 34].

В связи с мотивированностью редупликации в процессе номинации, в первую очередь, обращают на себя внимание звукоподражания. При этом совсем не обязательным оказывается требование точного копирования с помощью звукоподражания того звука, который копируется, чем, в частности, объясняются многочисленные расхождения в передаче одних и тех же звучаний в

разных языках. Следует также учитывать, что в звукоподражании может быть выделен лишь один из комплекса признаков естественного звучания.

Существующие классификации звукоподражаний опираются, с одной стороны, на их формальную выраженность, т.е. структурные особенности, и, с другой - стороны, на природу копируемых звучаний. Одна из формальных классификаций [Гайдаров 1966: 131-132] включает следующие группы редуцированных комплексов собственно лезгинского языка:

1. Комплексы СУ(К)С-СУ(Я)С;
2. Комплексы СУ(И)СУ-СУ(Я)С;
3. Комплексы СаСаС-СуСуС;
4. (а) СУС-рУС;
4. (б) СУСУС-МУСУС;
4. (в) СУС(УС)-РУС(УС);
5. CVC-CVpVC;
5. Подражания музыкальным ритмам (с разнообразной структурой двойной редукации).

Эти же модели фиксируются в рутульских звукоподражаниях. При этом практически все звукоподражательные и звукоизобразительные глаголы в рутульском языке образуются сочетанием звукоподражательного (изобразительного) комплекса со вспомогательным глаголом (в подавляющем большинстве случаев вығын 'делать', реже гухьун, в единичных случаях - хьу1вч1ун 'раздаться', либхьун 'подняться', ветин 'производить', йывхы1н 'выделять', хьийбхьун 'издать'). Звукоподражательный (-изобразительный) комплекс при этом может иметь следующую структуру:

Нередуцированные модели:

а!ъ вығын - кричать; орать; ыгъ вығын - стонать.

2. CVC (без конечных сонорных):

ба1ъ вығын - бляеть; киш вығын - отогнать птицу; гьах вығын -отхаркиваться; гьаГ.с гухьун - осознать; дойти до кого-либо; кьагъ ветин — каркать; т1икъ вы1ын - молвить; разговаривать; ч1ы1гъ вығын - скрипеть; чТыхъ вығын — навалиться скопом; ша1къ вығын - бить; ударять (по рукам и т.п.); жа1къ вығын - треснуть; кьы1гъ хьу1вч1уи/либхьун - сопротивляться; пройти (о слухе); джа1гъ гухьун - промокнуть; мугъ вығын — мычать; тап гухьун - грохнуться; упасть; тахъ гухьун - стукнуть; удариться; суьт вығын/ветин/1ывхы1н - свистеть; рыт1 ветчн/йывхы1н - прохлаждаться; бездельничать; па1хъ вығын - стучать; стрелять; гьа!х вығын/ветин -проясниться;

3. CVR (с конечным сонорным):

гур гухьун - сорваться с места; гьа1р вығын/ветин - реветь (об осле);

гьа1м гьығын - съесть; дыр вығын - остановить коня; дзер вығын - звенеть (о разбитом стекле); хыр вығын/вепт - задыхаться; ц1ар вығын - ёкнуть;

4. СУСС, где срединный -С- не является сонорным. Комплексы этого типа встречаются редко: бавх вығын - выстрелить, кыштІ кывхыТн - погнать овец, бист вығын - отгонять кошку, дашт вығын - отогнать овец, гьовкь вығын - останавливать (о быках);

5. СУЯС со срединным сонорным: ба]ргь вығын - сообщить плохую новость.

Помимо структуры и значения, звукоподражания характеризуются и с точки зрения их функций в составе предложения-высказывания. Наиболее очевидно использование звукоподражаний в качестве междометий, выступающих вне состава предложения. Обычным для звукоподражаний является также употребление со вспомогательными глаголами, в роли которых могут выступать и полнозначные глаголы (как правило, «делать»). При этом довольно часто встречаются случаи повторов звукоподражаний, не являющихся, строго говоря, редуцированными комплексами.

Звукоподражания легко образуют сложные глаголы со вспомогательным глаголом "делать".

Перечисленные синтаксические свойства выводят звукоподражания за рамки междометий, которые, как известно, не включаются в состав предложения.

Рубрикация звукоподражаний с точки зрения семантики фактически основывается на классификации объектов, производящих те или иные звуки: в настоящее время классифицировать собственно звучания не представляется возможным, в отличие, скажем, от цветообозначений.

По признаку сопряженности с тем или иным субъектом-производителем звука в звукоподражаниях выделяется несколько довольно однородных групп, хотя некоторые звуки при этом могут ассоциироваться с

достаточно разнородными объектами, ср. агул. кош. пишите (.хьуртІ) 'свист'. Данное звучание может относиться как к человеку, так и к птице или же пролетающему предмету (напр., пуле).

1. Наиболее отчетливо выделяется группа, объединяющая подражания звукам, издаваемым животными. В этой группе может быть выделено несколько подгрупп [Рашидов1988]:

а) слова, воспроизводящие голос того или иного животного;

б) слова, передающие непроизвольные звуки, издаваемые животными;

в) слова, передающие звуки движения;

г) слова, которые являются воспроизведением звуков столкновения при соприкосновении, касании и т. д....

2. Весьма разнообразны звукоподражания, передающие звуки, издаваемые человеком с помощью голоса, ударом руки или движением ног.

3. Не менее многочисленной является группа звукоподражаний, копирующих звуки движения неодушевленных предметов.

Цах. варх-вурх 'грохот; рут. шир-шир - звукоподр. журчанию; шир-шир вығын 'журчать';

В ряде звукоизобразительных и звукоподражательных слов редупликация является основой многократности или длительности обозначаемого действия: дзер ваъас '(про)звенеть' - дзер-дзер ваъас 'звенеть'. Аналогичная семантика выявляется в уд. марчамарч 'продолжительное чмокать' (ср.:марч 'поцелуй').

В лезгинских языках редупликация не является единственным средством передачи интенсивности или продолжительности звучания: для этой цели могут быть использованы и формы множественного числа.

4. В отдельную группу могут быть выделены звукоподражания, в которых звукоподражательная семантика осложняется наличием смысловых оттенков экспрессивного характера: рут. ихр. васва'с 'болтовня; разговоры

без толку'; цах. тгълагъ 'болтовня' и т.п.

Звукоизобразительная лексика или идеофоны, довольно разнообразна по своей семантике. В дагестановедении исследование идеофонов имеет сравнительно недавнюю историю.

В диссертации выделено несколько семантических групп звукоизобразительной лексики:

1. Ближе к собственно звукоподражаниям стоят звукоизобразительные комплексы, передающие световые эффекты, как правило, достаточно сильно воздействующие на воспринимающего, ср.: таб. рапрап 'блик, блеск, сверкание' (также рут. рапрап в том же значении), рач'врач'в 'отблеск, блик', ч'варч'вар 'блеск, сияние, сверкание'; рут. ихр. ц'алц'ла'лаь: ц'алц'ла'лаь гъаькьын 'делать блестящим, сверкающим'; цах. гургур 'пламя'.

2. Комплексы, передающие характер различного рода движений, перемещений, изменений, напоминающих движения, ср.: арч. 1ар'-ц'а1р'-Бопа 'лениво покачиваясь из стороны в сторону', к'Ш'-к'щ'-Бопа 'быстро и изящно (обычно о детях)', с'а1тр-с'а1тр-Бопа 'медленно, тяжело ступая ногами', хер-яГер-Бопа 'медленно, лениво, волоча ноги' ...

Особую группу здесь составляют образные слова, обозначающие характер вытекания воды из различных сосудов: к'иг-к'иг-Бопа 'при вытекании воды тонкой струей' (но к'иг-к'цг-Бопа ксеШз 'быстро вращаться'), я^аг-ц^аг-Бопа 'при вытекании воды из сосуда с широким горлышком', сн-џц-Бопа 'при вытекании воды тонкой, но сильной струей' [Кибрик и др. 1977: 84].

3. Весьма распространены редулицированные комплексы среди лексических единиц, выражающих различные эмоции и ощущения (в т.ч. болевые) человека, а также связанные с ними физиологические реакции: уд. т'лут'лу 'дрожь, озноб'; ч'ич'чи 'боль, мурашки', агул. тпиг. вич'вПч'ар 'щекотка'; рут. дзыз 'зуд'; арч. к'иг-к'иг-Бопа агхшиз 'быстро скатиться (о слезах)', с'ар'-с'ар'-Бопа аШ^ ехшиэ 'почувствовать ноющую боль', \varx-wagx-bona еГштиэ 'горько заплакать' ...

4. Можно выделить и семантическую группу идеофонов, передающих семантику разрушения: уд. хаьхаьпсун 'ломать, разбивать' и др.

5. К звукоизобразительной лексике можно отнести также лексические единицы с очевидной экспрессивной пейоративной семантикой, ср. лезг. гъулгъула 'ропот; волнение брожение'; агул. тпиг. вара-зара акъас, кош. фана-зана акъас 'транжирить, разбазаривать'; уд. клуп'клуп 'легкомысленный, несерьезный человек', цах. варварай 'душевнобольной', ут. ихр. саьрсаьраь 'дурак, олух, балда; безумец, чудак'.

Редупликация отмечается и в междометиях, не являющихся звукоподражаниями, но по ряду признаков (главным образом, своей экспрессивностью) сближающихся с ними. В целом лексико-семантическая квалификация междометий остается неопределенной. Лексикографические источники выделяют в лезгинских языках следующие редулицированные единицы данной лексико-семантической группы: лезг. ай-ай '(выражает упрек) ай-ай-ай!\ таб. гъайгъай 'ай-ай! (выражает удивление, сожаление и т.п.)'; агул. кош. гъа-гъа // агърай '(выражает удивление) ой-

ой!'; буд. ай-ай 'ай-ай-ай! (выражает упрек)'; рут. бай-бай '(выражает удивление) ой-ой!'; цах. вай-вай 'ну- ну, ой, ой-ой (выражает удивление)', уд. п1аьгъ-п1аьгъ \ 'пех-пех! (для выражения похвалы и восторга)'.
Значительное место уделено в диссертации редупликации в именах, образованных от звукоподражательных (и звукоизобразительных) комплексов.

Редуплицированные имена с точки зрения их лексико-тематической принадлежности и мотивированности подразделены в диссертации на следующие группы:

Редуплицированные имена с точки зрения их лексико-тематической принадлежности и мотивированности подразделены в диссертации на следующие группы:

1. Прямые звукоподражания:

а) Названия лиц, которые обычно связаны с особенностями воспроизведения речи: буд. лагълагъ 'болтун, болтунья'; уд. лагълагъи 'балагур, пустомеля' (< азерб. лаглагы)-, другая разновидность слов этой группы маркирует особенности произношения, дефекты речи и т.п.: буд. ныгъныгъ 'говорящий в нос, гнусавый'; рут. ны1гъны1гъзы1й 'гнусавый'; агул. тпиг. ь'абаб, кош. ь'абаб (г1ааб) 'немой; глухонемой';

б) Названия музыкальных инструментов, а также предметов, издающих характерный звук: лезг. гъаргъар 'трещотка (игрушка из грецких орехов)'; агул. кош. гаргар 'колокольчик'; буд. балабан 'дудук; балабан (музыкальный инструмент напоминающий флейту)'; цах. гыргыр 'колокольчик'; уд. симси 'свирель пастушья'; рут. сипси 'свирель' и т.п.

2. Названия птиц. В силу своей существенной привязанности к звукоподражаниям (как правило, имеются в виду слова, передающие характерный крик или пение птиц), а также относительной многочисленности эта группа слов заслуживает выделения из общей массы названий животных: буд. джив-джив 'птичка певчая'; цах. ц1инц1илий 'синица'; уд. гуьгъп 'сова'; рут. кьукьуй 'вахирь'; агул, бидбид 'индюк, индейка' и т.п.;

3. Названия животных.

В данной группе имен выделяется достаточно большое количество оснований, мотивирующих появление редупликации.

Существенную группу среди названий животных составляют названия насекомых, мотивация редупликации у которых объясняется следующими причинами: (а) большинство насекомых очень мелкого размера; уд. пампалук! // паьпаьлак! 'бабочка'; рут. дзыдза!х 'муравей'; (б) многие насекомые вызывают отрицательные эмоции (прежде всего, пренебрежение и отвращение): агул, гадрад 'клоп'; и (в) несколько в меньшей степени - это звукоподражания: лезг. бугъубугъ 'слепень'; буд. пырпыра 'майский жук';

Из других названий животных в наших материалах представлены: буд. джаджу 'еж'; рут. ихр. заь'заьй 'корова небольших размеров, дающая немного молока'; хьутьхьуьл \ гш1кьы1ва1кь 'ящерка'; бакьукь 'медвежонок' и т.п.

4. Названия растений (в том числе частей растений и т.п.)

Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показывает, что редупликация в этой лексической группе мотивирована несколькими причинами, в основном: (а) обилием мелких цветов, плодов или же косточек в плоде, (б) звукоподражанием шелесту листьев и т.д.: лезг. бубу 'полевой мак'; буд. джобъджобъг1уь 'душистый горошек'; уд. гьогъ 'алыча'; рут. г1аьрг1аьл 'овсюг'; агул. к1уч!к1уч1ай (г1уч1уьч1ай) 'шиповник'; цах. пырпырай 'хворостина; тонкая ветка сосны'; арч. кьве1кьэ1ла 'кустарник, растущий около рек';

5. Названия частей тела и болезней.

Многие лексемы этой группы могут быть отнесены, по крайней мере, по своему происхождению к детской лексике: лезг. бубух 'борода (у петуха)'; агул, бадбад / базбаз (гъавгъав) 'гребешок (петуха)'; цах. ц1амц1амай 'судороги, дрожь'; буд. хытхыт 'хрящ'; уд. зизам 'селезенка'; рут. хихет1 'бородавка' и т.п.;

6. Названия мелких предметов. В именах этой группы нередко выражается также экспрессивная (пренебрежительная и т.п.) семантика: агул. к1утЫут1ай / баг1дудай (дугъдугъай, будгъудай) 'сосулька'; рут. хырхыт! 'сосулька'; цах. г/ы/л/ы/; 'самодельная лампа с закрученным фитилём'; буд. к1ет1-к1ет1 'комочек теста'; уд. г/ 'ог/ 'ик! 'бахрома' и др.

К этой группе отнесены также названия артефактов, различных по размеру и соответственно имеющих иные основания для номинации звукоизобразительного характера

7. Названиядвигающихся предметов. В данной группе имен можно констатировать в отдельных случаях и номинацию по характерному

звучанию: буд. нънъ 'люлька (висячая)'.

8. Названия больших, длинных и т.п. предметов: Лезг. кваркваци 'булыжник'; уд. горгор 'шест для бобовых растений, жердь'; рут. тентене 'большой дом, хоромы'.

9. Названия жидких и сыпучих веществ: рут. шириш 'клейстер, клей для склеивания разбитой посуды смесь яичного балка и извести)';

10. Названия природных объектов и явлений: лезг. гур-гур 'водопад'; цах. хархар 'тремучий водяной поток'; уд. дамдам 'утро'; рут. заьлзаыаь 'землетрясение'; агул, турут 'шуга'.

11. Обозначения вкусовых ощущений: рут. ч1ырч1ымый 'яблоко (дичок)'; агул, кьулкьунф 'горький' и др.

12. Названия предметов, выражающих семантику парности: агул, къ'амкъ' 'грабли; вилы' (по наличию двух зубцов).

Помимо лексико-тематической классификации рассматриваемых имен возможно их распределение по отношению к исходной основе. По признаку наличия или отсутствия самостоятельного лексического значения у повторяющегося фонетического комплекса сложные слова-повторы делятся на две группы:

1. Сложные слова, повторяющаяся часть которых может употребляться как самостоятельная лексическая единица

2. Сложные слова, повторяющаяся часть которых самостоятельно как лексическая единица не может употребляться.

Звукоподражательный и звукоизобразительный характер некоторых лексем, равно как и наличие в них редупликации подтверждается размытостью семантики комплекса, ср. буд.

ЧТич! IV ворс, шерстинка; Ч1ич!2 III саранка (однолетнее растение с высоким стеблем, употребляемым в пищу); ЧТич!3 IV жало; ШичТ* IV ботва; Ч1ич1ек III лук. Наличие у приведенной основы нескольких значений с

очевидным экспрессивным компонентом дает основания полагать, что лексемы образованы путем редупликации.

Другим признаком редупликации является параллельное функционирование редулицированной и нередулицированной форм. Ср. уд. Гор, Горгор — шест для бобовых растений, жердь и т.п.

Среди звукоподражаний можно отметить также наличие фонетических вариантов, которые, с одной стороны, возникают в результате субституции отдельных фонем. Ср., например, рут. ихр.

Фыч-фыч Ш шепот и Фыт-фыт гъаыйын а) шушукать, шептать б) перен. подстрекать, подбивать, толкать кого-л. на что-л.; провоцировать что-л., натравливать друг на друга.

С другой стороны, вариативность может заключаться в изменении структуры слова. Ср.: рут. Хурх - Хур-хур звукоподр. 1) храп 2) мурлыканье; хур-хур вығын а) храпеть б) мурлыкать.

Идеофонические комплексы могут служить основой для суффиксального образования имен существительных.

Достаточно хорошо развита в лезгинских, как и в других дагестанских языках, междометная лексика, характеризующая общение человека с животными, что естественно для традиционно животноводческих культур народов Кавказа. Лексемы такого рода, полученные путем редупликации, прежде всего, выполняют функцию подзваний: буд. Бачи-бачи межд. возглас, которым погоняют коз; Голи-голи межд. возглас, которым подзывают собак и т.д.; цах. бац1и-бац1и Ш. подзывание козленка; уд. Були-бу.чи\ межд. были-были! (так зазывают индейку); Егье-егье\ .межд. эге-эге (так подзывают корову) и др.

В ряде случаев один и тот же звуковой комплекс в редулицированном и нередулицированном виде используется соответственно, чтобы отгонять или подзывать животное: уд. Баъд-баъд! межд. — бад-бад (так подзывают утку), ср. Баъд\ межд. — бад, кыш (утку).

Детские слова, хотя и выделяются исследователями в особую группу, обнаруживают тесную связь со звукоизобразительной лексикой. В дагестановедении нет однозначного подхода к интерпретации этого слоя лексики, поскольку признанию за ними права полноценной редупликации препятствует отсутствие отношения производности,

К детской по своему происхождению лексике следует отнести прежде всего некоторые термины родства, ср. лезг. диде мать; агул. тпиг. баб кош. бав мать; буд. биби 1) сестра отца; 2) дама (в картах); 3) (Б прописное) Биби (имя собств. женское); джуджуь тетя (жена дяди с отцовской стороны); уд. баба//бава (-ух'/-ох) — отец, папа, предок; рут. гыгыг дядя (брат отца или матери), ихр. ба'баый ласкат. Старуха и т.п.

В рамках данной группы в диссертации рассмотрена этимология лезгинской лексемы паб 1) женщина; 2) жена, супруга, восходящей, по нашему мнению, к общелезгинской основе со значением «мать».

Вторую подгруппу детских слов образуют слова, обозначающие предметный мир ребенка: игрушки, еда, одежда и т.п. Ср. названия блюд: лезг. кака яйцо; кач1кач1 затирка обл., мелкие мучные комочки; цах. хъахъу Ш. густая каша из пшена; буд. хьихьи Ш 1) молочный суп (с рисом или вермишелью)-, 2) похлебка; уд. куькуь — яичница, омлет из зелени и яиц; мижлтж — холодец; агул. тпиг. ккуккйлай круглый пирог; арч. áalnalü, сущ. мясо и т.п. Другие лексемы данной группы: рут. гугалый 'лепешка' дзиций кукла; агул. кош. джимджим матрац, предназначенный для люльки; цах. папыш IV детская обувь.

Третья группа включает мир ощущений ребенка: цах. ваава IV боль, ушиб, травма.

Четвертая группа обозначает действия ребенка или же действия взрослых по отношению к ребенку: лезг. баабэгъ бай-бай; уд. куркурl —ласкать; цах. almlamlaii Ш - наказание и др.

В третьей главе «Роль редупликации в развитии лексики лезгинских языков» анализируются редуплицированные основы, привлекаемые в качестве рефлексов в общедагестанских сравнительно-исторических исследованиях

Роль редупликации в историческом развитии лексики лезгинских языков до настоящего времени оставалась совершенно не исследованной, хотя дагестановеды в своих комментариях нередко прибегают к этому понятию. Сопоставление редуплицированных форм отмечено уже в работах основоположника северокавказской компаративистики Н.С.Трубецкого. В частности, в число 100 северокавказских изоглосс включены следующие: адыг. ze 'терновник'. — Авар, zaz, табас. заз, лезг. ссаз 'терн' (уд. сас 'колючка?'), лак. ссасс 'плод шиповника', рут. ziza 'брусника' (?), агул, zaz 'пряжка'; адыгейск. kkanke (шапсуг. kkaekke, абадзех. □ L'JanH Ce) 'яйцо'. — Лак. kkunuk, арч. genuk 'яйцо' или лезг. kkačka, бацб. gaga 'яйцо'; убых. zaza 'почка', каб. zezej 'легкое, печень, почка'. — уд. zizam 'селезенка'; абх. г(э), убых. zeze, адыг. zeza 'желчь'. — авар, ссін, анд. ssim, лак. ssi, арч. ssam 'желчь'; адыг. zaza (убых. bzábzá?) 'дрожать'. — арч. assas, лезг. zurzun 'дрожать'; отсюда же авар, siǰi 'лихорадка', откуда, в свою очередь, произведен глагол авар, soróze 'дрожать'. Как показывает проведенный анализ, из 100 лексем основного словарного фонда северокавказских языков редупликация охватывает около 5% списка.

Сопоставление редуплицированных и нередуплицированных форм встречается и в работах Е.А. Бокарева [1961; 1981]. Активно прибегают к понятию редупликации при объяснении звуковых соответствий в общедагестанском лексическом фонде авторы коллективной монографии «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков» [1971]. Так, по их мнению, редупликацией корневого *къв образована основа «колени» в даргинском и лезгинских языках, ср. дарг. къукъа, къвакъва, табас. къамкъ, агул, къвакъв, рутул. къвакъ, цахур. къараца, удин, какъаъп (варт.), ккаъюсаб (нидж.), хотя в данном ряду удинская основа не связана генетически с другими формами.

В сравнительно-сопоставительном словаре С.М. Хайдакова [1973] многие словарные статьи содержат указание на наличие повторов в той или иной форме. Например, в словарной статье «бабочка» автор пишет: «Есть основание думать, что мы имеем здесь дело с повторами, которые следуют друг за другом или же соединены слогом с сонорным согласным. Ср. ч/ы-мир-ч1а; ц1и-ц1им-кала, пи-рин-па; па-зи-пен-ди; гин-ги-лиш» [Хайдаков 1973: 14]. В данной лексеме имеется двойная мотивация для редупликации: во-первых, слово означает мелкое насекомое; во-вторых, здесь возможно звукоизображение частого мелкого движения крыльями (ср. внешнее сходство некоторых лексем с обозначением ресницы).

В сравнительно-историческом исследовании Б.К. Гигинейшвили [1977] мы встречаем несколько пометок «редупл.», причем большинство из них касается лезгинских языков: ав. сэШ „ящерица“; анд. коп'и: ахв. капсага: лак. №1Г§а1а: арч. ип§а1а: таб. сиг-си1 (редупл.): цах. хоса „змея“ [Гигинейшвили 1977: 96].

Исследование фонетики лезгинских языков, осуществленное Б.Б. Талибовым, также содержит комментарии, связанные с редупликацией, например: удин, гъу <* гъур (варт.) — ср. нижд. гъо1гъ (< *гъо1р конечный гъ результат редупликации корневого согласного) 'заяц', ср. лезг. јсу1р, табас. къу1р, гъу1р, агул. гъу1р (ус., цир., фит.), г1ур (тп., дул.), рутул. гъы1р, цахур. къиШе, хиналуг. к1изаъ (< *к1ираъ). [Талибов 1980: 197] Б.Б.Талибов объясняет наличие редупликации сугубо фонетическими причинами, хотя здесь нельзя исключать семантику: заяц - быстрое относительно мелкое животное, что может служить стимулом для

редупликации.

Осуществленный в диссертации обзор детерминирует тот факт, что исследователи говорят о редупликации только при сопоставлении редуплицированных и нередуплицированных форм, а это сужает сферу функционирования данного явления. В диссертации проведен анализ редуплицированной лексики лезгинских языков, восходящей соответственно к общедагестанскому (восточнокавказскому) и общелезгинскому лексическому уровням.

Общедагестанский (восточнокавказский) хронологический уровень.

Названия птиц:

кукушка: лезг. кукуп! таб. ккуккум, агул, ккекку, рут. гиггуб, цах. гукки, арч. гикку, крыз. ругу, буд. гугут! уд. ккупккуп ~ ав. гагу, анд. гигу, бутл., год., кар. гугу, ахв. гагу, багв. гигу, дарг. гегут, лак. ччекку, хин. гукку, бежт. куккут!о, хвар. куку. См. Бокарев 1961, 62; Лексика 1971, 154; Хайдаков 1973, 16; Гигинейшвили 1977, 78; Загиров 1987: 20. Лексема образована от звукоподражания. В некоторых языках основа осложнена вторичным экспрессивным суффиксом (лезг. -ni, буд. -ml и т.п.). О распространении данной звукоподражательной основы в других языках Кавказа см., например, Абаев 1958: 506. р. также лексемы Журавль и Дятел.

Названия насекомых:

муха: лезг. mleeml, агул., буд. mluml, рут. дыд, цах. mloml «пчела», арч. mlarnnl то же, крыз. mluml, удин, ттатт ~ авар., цез., хварш., гин. mlygnl, анд. mlanmla, бутл. mlyiiml, год., тинд. mlyumly, кар. mlymly, ахв. mlumlc, багв. тунт!в, чам. пйунпй, бежт., гунз. mloml, дарг. mlenml. См. Лексика 1971, 156; Хайдаков 1973, 20; Климов Г. А., Алексеев М. Е. 1980: 285; Загиров 1987: 21-22. С чеч. mlod бацб. mlyml 'овод' возводят к правост.-кавк. *m; [Nikolayev, Starostin 1994: 998-999]. Ср. также кузнечик, саранча; муравей; комар; жук.

Из названий частей тела редуплицированными обычно оказываются

(а) выражающие идею парности:

колени: таб. кьамкь, агул, кьвакьв, рут. кьвакь ~ дарг. кьукьа, кьвакьва, цез. кьалнкьу, гин. кьакьу 'трубчатая кость'. См. Лексика 1971: 114; Загиров 1987: 28. Возводится к прасев.-кавк. (-1 - [Nikolayev,

81ago5Бп 1994: 908] на основе сопоставления с абх. а-та 'аоа\ абаз. тата. Ср. также ляжка; берцовая кость; яйцо, le511ci1до;

(б) детские слова:

грудь (женская): лезг. мам, таб. меме (тин.), пеней (гум.), арч. мам, крыз. маьм, буд. мэм ~ авар., дарг. мама, бежт. момола, гунз. момла. См. Лексика 1971: 108; Талибов 1980, 270; Загиров 1987: 28. С чеч. мамаг возводится к правост.-кавк. *шХтУ [Nikolayev, 81ago3Пп 1994: 806]. Налицо вариативность, характерная для звукоизобразительной и детской лексики. Не ясно, каково соотношение двух синонимичных основ, равным образом обнаруживающих общевосточнокавказское происхождение (ср. ав. кеке и т.п.). См. также зрачок.

(в) звукоподражательные и звукоизобразительные основы:

горло, глотка: таб. кьаркьар, агул, кьуркь, рут. кьакьаьарый, удин. кьокь, арч. кьакьара ~ лак. кьакьари, дарг. кьакьари, анд. кьванкьа, год. кьванкьваткт, бутл. кьванкьват!ир, багул. кьункьа, чам., тинд., кар. кьван-кьва, гин. кьекь. См. Бокарев 1961: 64; Лексика 1971: 106; Загиров 1987: 29.

С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 909] восстанавливают общесеверо-кавказскую редультированную основу $**a^*ap / **a^*ga$, привлекая к сопоставлению также абх. а-" г" ; абаз. " г" ; адыг. /м 'а-° гдг, каб. р\$'а-к" ц: См. также веснушка; слюна.

Среди названий растений более подвержены редупликации названия злаковых и травянистых растений, мелких цветов. Все они имеют

звукоизобразительный характер: бук: лезг. тт-ин ттар, таб. пирп-ун гьар, крыз. пып, буд. mm, уд. пуп, пуп-па ход ~ дарг. пирпи, кайт. пупе, анд. пипи «чинара». Ср. тж. чеч. поп. См. [Хайдаков 1973: 53; Мусаев 1978: 82; Загиров 1987: 33]. Природа редупликации в данной лексеме (< $*ri^*ri$ [Nikolayev, Starostin 1994: 872-873]) остается неясной. Ср. также колочка; ветка.

В других лексико-семантических группах редупликация отмечается обычно в словах, обозначающих мелкие предметы, их совокупность. В некоторых из них легко усматривается «детское» или звукоизобразительное происхождение:

носик (чайника, кувшина): лезг. "и"; крыз. —'чеч. цТузам < правост -кавк. [Nikolayev, Starostin 1994: 367]: Налицо экспрессивный корень с

исходным значением «кончик». Редупликация налицо также в хурр. zizzi 'женская грудь', zizz-wo» , zuzz-u/o»» 'кувшин с носиком' [Diakonoff-Starostin 1986: 44].

Мелкие камни: лезг. хирхем, таб., рут. xalxali — авар, хахи «гравий» и др. Ср. Загиров 1987: 45; Nikolayev, Starostin 1994:1073 (< $*He^*r$ »V). В лезгинских языках основа осложнена позднейшими аффиксами различной функциональной природы.

Булка, лепешка: таб. ккикк, агул, ккуккал-ай, рут. гугал-ай, арч. герге-бос «раскатывать тесто», удин, ккокком «кусочек выпеченного хлеба» —дарг. герг «круглый хлеб», авар, гурга «небольшой круглый хлеб», кар. гышго «хлеб». Ср. Хайдаков 1973 : 67; Загиров 1987: 48. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994 : 474] восстанавливают общевосточнокавказскую нередультированную основу $*imgw$ (IV), отмечая возможное влияние основы $*g-gw$ V «круглый». На наш взгляд, редупликация в данном слове могла быть обусловлена его принадлежностью к «детской» лексике.

Яйцо: агул. гьалгьал, рут. гьылыгъ, удин, хьохъла — гунз. хьо"хъла. См. Загиров 1987: 48; Nikolayev, Starostin 1994: 906 (< $*qwVsV^*V /$

$*qwV^*VsV$) с привлечением дарг. чираг. с]:иГе «жареное зерно». Как и предыдущую, данную лексему, по-видимому, можно причислить к детской лексике и в связи с этим семантический сдвиг «яйцо - жареное зерно» представляется нам более вероятным.

Редупликацию можно обнаружить и в некоторых общедагестанских прилагательных, возможно, первоначально принадлежавших к детской лексике:

желтый: агул. хьулхье-ф, таб. гьатху, арч. хаха ~ лак. хьахьисса, авар. хьахлаб «белый», дарг. бухьутла; круглый: таб. герглю, агул, гшген-ф, рут. ихр. гыргыны-д, цах. гьлгылен, крыз. гургун, буд. гунгур-тЫ, удин. ккакканикк, кканккорой, арч. гукки (возможно, < лак. ккуркки) —■ авар. гургина-б, ахв. гигада, кар. гаргануб, тинд. кlorклтуб, чам. кlorаклуб, баг. гургинаб, год. гирг'аму, анд. горгома, бежт. гомордийо, хварш. кlorклolол, гин. гургели, гунз. герду, лак. ккурккисса; мягкий: лезг. пурппу, таб. пурпу, уд. поп «гребень петуха» — анд. папа, ботл. папа, ахв. гьвагьвада, тинд. папа-б, чам. папа-б, багв. папа-б, год. папа «легкий, мягкий», бежт. баб, гин. баб «борода

Экспрессивный характер некоторых основ может препятствовать восстановлению исконной семантики. Характерной чертой редупликации является то, что она по сути своей представляет собой разновидность словосложения. В то же время гомогенный состав компонентов позволяет редулицированной лексической единице реализовывать не только функцию словообразования, но и словоизменения, иными словами диапазон ее использования охватывает как сферу словообразования, так и формообразования.

Диапазон употребления редупликации в лакском языке охватывает случаи словообразования, а также выражения разнообразных модальных оттенков.

При этом первичную номинацию, в виде повторов корневого согласного, как в лакских глаголах гъагъан «сломался», зизип «посыпаться», ккаккаи «увидеть», къуъгът «отрезать» и др. можно относить к явлениям исторического порядка, в то время как остальные случаи использования редупликации причисляются к явлениям словообразовательного и формообразовательного порядка.

В аварском и лакском языках редупликация функционально обслуживает не только сферу словообразования, но и формообразования. В частности, в системе глагола редулицирование способствует передаче одного из способов глагольного действия (акционс-арт), выражающего многократность, множественность действия, ср. в аварском языке i/la-iila-ze «тянуть многократно», и лакского языка, типа чич-ла-чи «пишите часто».

Кроме того, в аварском языке редулицированные звукоподражания, типа xluxlu «ржанье», мими «мяуканье» + суффикс длительности -д служат основой для образования редулицированных звукоподражательных глаголов, ср.: xluxludtae «ржать», мгшидизе «мяукать».

В исследуемых языках исторически первичная редупликация в качестве словообразовательного средства встречается, в основном, в именах существительных и глаголах, ср.: авар, зурзудизе «стонать», гургур «индюк», булбул «соловей», лезг. куркур «пузырь», klaklam «ресница», къакъа «высокий», лакск. ккаккаи «увидеть», къакъан «высохнуть», шатан «скиснуть, свернуться»; рут. дебдеbt «бабочка», халхалаг «серьга», mlamlan «палка», халхалаг (устар.) «мелкий камень», дадал «петух», баба «дедушка» и т.п.

В аварском языке редупликация в качестве словообразовательного средства используется в системе имен существительных, числительных (распределительных), глаголов, ср.: цо-цо

«по-одному», ашфия цо-цо «по-одиннадцать», нус-нус «по-сто» и т.п. бахъ-бахъмзе «снимать что-л.» «быстро разбирать» «разобрать что-л.».

В указанном языке редупликация не менее активно проявляется и в сфере словоизменения, прежде всего в системе глагола. При этом глаголы с редулицированной основой в аварском языке могут выражать следующие способы глагольного действия:

1. Многофазное действие многократного типа, ср.: ц!ц!а-ц!ц!азе «тянуть, тащить», «водить», «весить»;
2. Дробное фрагментарное действие, ср.: дос къунц!-къунц!ула лемак «он стрижет овцу отдельными местами».

Редупликация также может выступать в качестве средства словообразования при формировании синонимических рядов некоторых глаголов аварского языка. Подобного рода ряды могут содержать от трех до четырех членов, ср.: хъвезе «резагъ» «зарезать», забить» «заколоть» (скот,

птицу), хъвехъаризе «заниматься убоем (скота, птицы), хъве-хъвезе «резать» «забивать» «колоть» (скот) и др.

При помощи редупликации в аварском языке могут образовываться и формы имперфекта глагола. В оппозиции перфект-имперфект, маркированным членом, как правило, выступает редуплицированная форма имперфекта, ср.: ц1ц1ат «протянул» - ц1ц1а-ц1ц1ана «множественно тянул».

В парадигме аварского глагола выделяются и аналитические временные формы, ядерными компонентами которых выступают редуплицированные инфинитив, презентное причастие, позитивная форма имперфектного причастия, позитивная и негативная формы имперфектного деепричастия, а также синтетическая презентная форма

При этом сочетания редуплицированных основ и вспомогательного глагола буго образуют два варианта аналитического

презенса, ср.: ц1ц1а-\\ц1ц1а буго и ц1ц1а-ц1ц1ала буго «тянет»; два варианта аналитического имперфекта ц1ц1а-ц1ц1арао буго и ц1ц1а-ц1ц1ан буго «тянул» и один вариант аналитического футурума - ц1ц1а-ц1ц1аце буго «будет тянуть».

В даргинском языке редупликация проявляется также на словообразовательно-словоизменительном уровне. Так распределительные числительные в даргинском языке образуются удвоением одной и той же основы исходного количественного числительного, ср.: ца-ца, «по одному» к1и-к1ел «по два», х1яб-х1ябал «по три».

Редуплицированные распределительные числительные в даргинском языке служат базой для образования распределительных наречий, путем замены суффикса числительных -(а)л суффиксом наречия -ли, ср.: ца-цали «по одному», к1и-к1или «по двое», х1яб-х1ябли «по трое».

Основным средством образования кванторных наречий в даргинском языке выступает редупликация, ср.: и.ц1а-1щц1али «несколько больше», кам-камли «несколько меньше», бахъ-бахъал «слишком много», и.т.п.

Путем редупликации в указанном языке образуются и сложные формы совершенного вида, а именно - запретительного или запретительно-оптативного вида, типа вак1-мавак1 «пусть не придет», ееш-ма-вееш «пусть не убежит (сейчас)».

Выявлена также еще одна из характерных особенностей анализируемых дагестанских языков - функционировании в них особого рода распределительных наречий, образованных путем удвоения исходных именных основ-названий, обозначающих единицы меры, количества, веса, ср.: авар. сах1-сах1куп «по саху» (мера сыпучих веществ; дарг. мех1-мех1ли «по горсточке»; лезг. мике-миксдал «по горсточке», лакск. хаьппа-хаьппали «по горсточке»; рут. маьхъ-маьхъ-не «пригоршнями».

Общелезгинский хронологический уровень.

Этот слой лексики включает, с одной стороны, общелезгинские инновации, не имеющие параллелей в других дагестанских языках, и, с другой стороны, общедагестанские основы, подвергшиеся редупликации на общелезгинском уровне. Возможно также наличие лексем, подвергшихся дередупликации.

Куница: таб. ц1урц1ул, лезг. ц1уц1ул, агул. ц1уц1ул, арч. ц1уц1ул, цах. сюлец1а, рут. сырыц1ал. См. Хайдаков 1973, 12; Загаров 1987: 73. Изменение структуры основы, вероятно, произошло в

рутульско-цахурской подгруппе. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 909] отмечают редулицированные корреляты и в других северокавказских языках (чеч. ~еса-}оциг°\ инг, сге-»о& авар, гая'- ип™; хин. ~-га-«»ег, абх. а-р«-'Аа'; абаз. 'А 'Аа -с; адыг. с га; каб. 'А 'Аа\ уб. с'аса, что позволяет им восстанавливать общесеверокавказскую редулицированную основу

Сова: таб. гугунай, гугу т1ипп (канд.), агул, (бурш.) ккукк-баг1в, удин. гу1ге1л. См. Загаров 1987: 74. Редулициация обусловлена звукоподражательным характером основы, обычно означающей кукушку. В табасаранском (кандикском) сложное образование со вторым элементом - общедагестанским названием совы.

Сорока: таб. кьяркьяр, агул, кьяракьял, рут. кья1ракья1л. См. Хайдаков 1973 : 41; Загаров 1987: 74. Редулициация обусловлена звукоподражательным характером основы. С. Л. Николаев и С. А. Старостин [1994: 921] отмечают редулицированные корреляты и в других северокавказских языках (гунз. Бaa1a; абх. а-® - "аг °аг; адыг. / -"г ; каб. с/ - "V что позволяет им восстанавливать общесеверокавказскую редулицированную основу **НУ^ГУУ. Там же отмечается фонетическая близость с лезг. керекул, крыз. к1ераь1ел «сорока».

Перепелка: лезг. п1ап1иш «жаворонок», таб. п1а1мп1у1гъ, арч. п1а1рп1зла. См. Загров 1987: 74. Основа осложнена различными словообразовательными суффиксами. Внешних соответствий не имеет. Редулициация обусловлена звукоподражательным характером основы.

Петух: таб. датт, цах. дадал, рут., удин, дадал (?). В составе слова вычленяется суффикс косвенной основы -ал- [Алексеев 1985:40]. Возможно, лексема является по происхождению «детским» словом. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 397] отмечают редулицированные корреляты в даргинских идиома^ восстанавливая с долей сомнения общедаргинско-лезгинскую редулицированную основу *с!а11У, указывая одновременно на картвельскую параллель *с!еЛа-1- «курица» [Климов 1964: 72]. По Климову, в картвельских языках лексема является производной от *с!еcla- «мать».

Червь: лезг., рут. квак, таб. каик, агул, кабк, крыз. квак, цах. кок «личинка». Редулициация обусловлена звукоименным характером основы, передающей идею «нечто мелкое (и неприятное)». С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 206-207] сопоставляют с нередулицированными формами аваро-андийских языков (ав. пи 'ка ; ахв. ипка), восстанавливая, соответственно, восточнокавказскую нередулицированную основу *€ ^ткУ. Таким образом, восточнокавказская основа подверглась редуликации на общелезгинском уровне.

Овод, слепень: лезг. бугьбугъ, таб. бугьбугъ «пчела», агул, (кур.) бугьбугъай «шмель», рут. гьубагъ «пчела», крыз. бугьбугъу. См. Загиров 1987: 73. Внешние соответствия не обнаружены.

Угол, колено: лезг., таб. п1ип1 «угол», арч. п!омп «колено», крыз. пип, будух, пен. См. Загиров 1987: 83. Внешние соответствия не обнаружены. Как и в лексеме общедагестанского уровня (см. выше), здесь налицо идея парности.

Ресница: лезг. к1ак1ам, цах. (гельм.) к1ак, крыз. к1вак1 «веко». См.

Загаров 1987: 74. В лезгинском идея множественности передается также с помощью окаменелого суффикса плюралиса -ам (о пралеэгинском суффиксе *-ьшсм. Алексеев 1985: 58).

Шкура: лезг. кьицикъ, таб. гьидикъ, агул, кьядикъ, рут. кьыдыкъ, арч. кьонкъ, буд. кьтджекъ «бурдюк». См. Загиров 1987: 74. Возможно, что редулициация здесь возникла случайно - в результате совпадения экспрессивного суффикса -къ с анлаутным согласным.

Череп: лезг. куг, таб. гуг, агул, гуг «череп», рут. гугуй (с уменьш. -ласк, суффиксом -й) «макушка». См. Загиров 1987: 77. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 450-451] находят параллели за пределами лезгинских языков: авар, g0ang0a'ra, бежт. gogf■, гунз. gogog, лак. к:агк. Налицо фонетическая и семантическая близость с лексемой «круглый».

Зоб: таб. гьюдгьюд, цах. гьo1т1, буд. кьат1кьат1 «книжка (часть желудка)». См. Загиров 1987: 77. Цахурская лексема подверглась дередупликации. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 468] находят параллели за пределами лезгинских языков: лак. д:гШ, дарг. q:\idq:исИ. При этом огаечается близость данной основы с основой Вторичность

нередуплицированной основы в цахурском подтверждается наличием редуплицированного варианта: ГьыргьыГгГ.

Мушмула: лезг. кищик, агул., бурк. три к, тпиг. киттик, кош. кидик, цах. кыдык, крыз. ктик, буд. кидик, удин, кенекк. См. Талибов 1980: 279; Бокарев 1981: 65; Загиров 1987: 78. Возможно, что редупликация здесь возникла случайно - как результат использования экспрессивного суффикса -к.

Лук (растение): лезг. чич1ек, агул., тпиг. ч1ич1ак1, крыз. ч1ич1ек, буд. ч1ич1ек. См. Загиров 1987: 78. Суффиксальное образование от экспрессивной основы *ч1ич1'ворс, бахрома' (см. ниже).

Вершина: лезг. к1ук1, таб. к1ак1 (и кончик), агул. к1ек1в, кТук! (бурш.),

рут. к1аь\к1ек1 (шин.), буд. к1ек1 «кончик». Ср. Талибов 1960: 300; Бокарев 1961: 74; Лексика 1971: 179-180; Загиров 1987: 81. Слово имеет звукоизобразительную природу. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 733] сопоставляют с чам. тМиТМил; абх. а-тм°<з'тм «угол», восстанавливая, соответственно, северокавказскую редуплицированную основу *тМwe^тМеj. Это значение передается редуплицированной основой и в картвельских языках, ср. *dud [Климов 1964: 75]

Большой камень, валун: лезг. хвах, рут. (мюхр.) хвах «горб», арч. хонх. Ср. Хайдаков 1973: 71; Загиров 1987: 81. Экспрессивная лексема, обозначающая предмет большой величины. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 1070] сопоставляют с абх. »а"w, абаз. "аqw «камень», восстанавливая, соответственно, северокавказскую нередуплицированную основу *»emqwV (*»wemqV~)£. Если принять данную реконструкцию, редупликация в лезгинском материале оказывается результатом фонетических изменений.

Песок: таб. (хив.) симс, цах. соц, арч. сарси. Ср. Загиров 1987: 87. Лексема, обозначающая сыпучее вещество, состоящее из мелких фракций, имеет звукоизобразительную природу (не исключено, впрочем, и звукоподражание шуму сыплющегося песка). Внешних соответствий не имеет. В цахурском языке произошла дередупликация (диссимилиация).

Грязь, жижа: лезг. хурх, арч. х1ерх1 «слизь», рут. (хнюх.) хурх. Лексема имеет экспрессивную звукоимвлическую природу, отражая неприятные ощущения. Внешних соответствий не имеет.

Волдырь: лезг. курккур, агул. куркур, крыз. гьыргьы «нарыв». См. Загиров 1987: 86. Звукоизобразительная основа, передающая идею «круглый».

Ворс, бахрома: лезг., таб. ч1ич1 «ворс», рут. ч1ич1 «перья лука», крыз., будух. ч1ич1 «вид растения», удин, чъчъочъик «бахрома» (?). См. Загиров

1987: 87. В удинском (экспрессивный) суффикс -к. Экспрессивная звукоизобразительная основа.

Лепешка: рут. к1ик1ер, арч. к1урк1уни «хлеб в виде калача», крыз. к1ук1, буд. к1ук1. Ср. Талибов 1980: 289; Загиров 1987: 84. Как и общедагестанское название булки, лепешки (см. выше), слово

первоначально относилось (и относится?) к детской лексике. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 736] сопоставляют с хин. $^{TM}M^{TM}M$, абх. $a^{-TM^{\circ}a^{TM^{\circ}a}}$, восстанавливая, соответственно, северокавказскую нередуплицированную основу $*^{TM}w$ —

Седло: лезг. пурар, таб. пирпйир, агул. пулрар, рут. папыр, пылпылйир (хнюх) (?). Ср. Хайдаков 1973: 88; Талибов 1980: 277; Загиров 1987: 85. Редупликация вызвана семантикой слова: налицо ярко выраженная идея парности, которая также передается формантом множественного числа -ар, -йир, -ыр. В лезгинском и агульском, видимо, произошла дередупликация. Редуплицированный характер основы подтверждается наличием редупликации в другом слове с тем же значением, отмеченным в андийских и цезских языках: анд. кьТекьТш, бежт. кьаркьен (тляд.) и др.

Чашка, блюдо: лезг., таб. к1вак1а «деревянный поднос», арч. кЮк1 «длинное глубокое деревянное блюдо», крыз. к1ук1ай «большая глиняная чашка». См. Загиров 1987: 85. В крызском (экспрессивный) суффикс -й.

Шептание: лезг., агул. кушкуш, рут. хьушхьуш, цах. кушгьуш. Ср. Талибов 1980: 316; Загиров 1987: 86. Лексема имеет очевидный звукоподражательный характер (ср. рус. шушукаться).

Груз, ноша: таб. гьагь, агул. бурщ. г1аг1, арч. хьохь «спина». С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 921] сопоставляют лезгинскую изоглоссу с хин. кьагьа «спина и плечи», цез. кь1г, гин., хварш. кьог, лак. кьахь-ла, лак. гьагь, восстанавливая восточнокавказскую нередуплицированную основу $*^{o}gV$. Соответственно, редупликация в даргинском и лезгинском

материале оказывается вторичной, обусловленной фонетическими изменениями (ассимиляцией). Этим же обусловлена редупликация в хин. кьахь-л «спина» (с вторичной суффиксацией), восходящем к той же основе.

В общедагестанском словарном фонде имеются случаи обратного соотношения, когда нередуплицированной основе лезгинских языков в других языках соответствует редупликация. Ср.:

Пустой: лезг. кьери, таб. кьар, агул. кьаре-ф, рут. кьа1р-ды, цах. кьаТра-н. Ср. Магометов 1966: 340. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 921] сопоставляют с цез. кь1кь1ру, гин. кьокьору, инх. кь1кь1ру, восстанавливая восточнокавказскую нередуплицированную основу $**No_{r}V$. Таким образом, редупликация в цезском материале оказывается вторичной, характерной, по их мнению, для адъективных основ.

Редупликация вторичная имело место в развитии отдельных лезгинских языков (несмотря на общедагестанский характер некоторых основ). Помимо случаев, рассмотренных выше, к подобного рода явлениям, можно отнести также и следующие примеры: в восточнолезгинских языках:

лезг. ттуьд (также производное ттуьттуьх), таб. дуьд (также производное дуьдуьх), агул. дуьт1, тут «горло», рут. дуьдуь 'глотка'. Звукоподражательное (?), ср. рус. дудка. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 736] сопоставляют с авар. дад (> арч. дад), ахв. дади, кар. диду, багв. даре «маслобойка; кувшин; колесо», лак. дюду «мегафон», дарг. дяд «труба», восстанавливая, соответственно, восточнокавказскую основу $*d''w_{j}dw_{j}$. В то же время отмечаются и внешние параллели: груз. duduk 'вид флейты' (> гунз. duduk). На наш взгляд, ближе к лезгинскому материалу азерб. dfidük 'дудка, рожок, свирель' (> уд. т1уьт1аьй, цах. дют1дяк1, рут. туьтаьг);

лезг. кек, таб. кар к, агул. кар к, кирк «ноготь». В основе редупликации здесь лежит идея множественности. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994:

689-690] сопоставляют с ахв. кеке, дарг. кек «десна», восстанавливая, соответственно, восточнокавказскую основу *к(ЕгкУ);

лезг. кьетIкьетI, таб. кьятIкьятI, агул. кьятIкьятI «коник, деталь мельницы». Название дано по характерному звучанию (стуку);

лезг. кIукIуш, таб. кIукIуш, агул. кIукI «вершина горы, макушка». В данном случае восточнолезгинской инновацией является использование экспрессивного суффикса -ш;

лезг. цIалцIам, таб. цIалцIам, агул. цIалцIам «гладкий, лощеный». Ярко выраженная экспрессивная семантика;

таб. кьюркь, агул. худ. кьуркь «узел». С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 936] сопоставляют с лак. кьурхь (> арч. хьерхь «узел»), восстанавливая основу **туегцУ; в лезгинском языке:

гьуьлаьгь (< уьаьгь) «змея» ~ таб. мяляхьв, агул. малуГхь, рут. мулуIх, цах. мыIхь, арч. милиху!, буд. мулаь, уд. мсхь, а также дарг. лптикь, хин. люк «червь». См. Хайдаков 1973: 11; Гигинейшвили 1977: 97; Загиров 1981: 21; 1987: 18; №коIауеу, 8IагозПп 1994: 817;

фурфулар «ежевика» ~ таб. урхьар «калина», агул. чIула мехьер, рут. хьур, цах. хьура «малина». См. Загиров 1987: 78; №коIауеу, БШГозЙп 1994: 1065 (с привлечением бежт. лье", лак. *швай < *х\у—;г€У); в агульском языке:

агул. кьуркь ~ рут. кьыркI «лишай», арч. кьаркIа-ч: «оборванец». М.Е. Алексеев [1985: 112] предложил вычленять в арчинском слове экспрессивный суффикс -ч: «оборванец» < *«паршивец; плешивый, облезлый». Судя по рефлексам в других языках, агульская редупликация -результат фонетических процессов;

агул. кьабкь «моль» ~ дарг. чир. кьикIв «моль», лак. кьачIи «личинка, червь»; авар, кьекь!, анд. кьикIа «червь (в мясе)» [№коIауеу, 8Iаго5Йп 1994:

912]. Агульское слово может быть даргинским заимствованием с вторичной редупликацией;

в рутульском и цахурском языках:

рут. чIирчIшI-ды, цах. чIырчIымаIн ~ лезг. уь.щIуь «соленый», таб. учIвру, агул. гIуьчIе-ф, лак. кьурчIи- «кислый» (с преф. кь-), ахв. чIчIикIкIуда кислый. См. Загаров 1987: 59;

рут. бичил, цах. беберчын — таб. псиичI, бисимчIи (дюб.), агул. бишикI, удин, (варт.) бач 'ста 'ласточка'. Редупликация в рутульском и цахурском (на проторутульско-цахурском уровне), как можно полагать, является своеобразным результатом упрощения основы, т.е. некоторой цепочки морфонологических преобразований;

рут. хыных 'ребенок'. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 1063] находят за пределами лезгинской группы: чеч., инг. ховхар, авар. х:ух: 'ягненок', цез. хех-би, гин. хех-бе 'дети', хварш. гьигьа, инх. гьугьо'молодой (о животных)', восстанавливая редуплицированную вост.-кавказскую основу *»— п»wV. Следовательно, по их мнению, рутульская форма является не новообразованием, а общедагестанским наследием, утраченным в других лезгинских языках;

в цахурском языке:

цах. mIemI 'цветок' ~ арч. mIe, лак. mIymIu, ав. тIегь. См. Лексика 1971, 168; Хайдаков 1973, 65; Загиров 1987: 38. Видимо, редупликация в цахурском и лакском - результат параллельного

развития. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 1006] отделяют лакско-цахурскую изоглоссу (< *®V®V ; сюда же уд. щичикк) от рефлексов вост.-кавк. *dV"wV (авар. > арч., бежт.).

в шахдагских языках:

крыз. хъаьхъ «жидкость», буд. хьи-хьи «суп». Как и многие другие названия пищи, принадлежит к детской лексике. С.Л. Николаев и

С.А. Старостин [1994: 1063] находят параллели в лезг., таб. хъахъ, арч. лалть (< *лъамль), уд. хохопесун, лак. хъама, дарг. хъамхъа «пена», восстанавливая *xwamV / *xwamxwV. Редупликация, по их мнению, имела место на уровне даргинско-лезгинской общности;

крыз., буд. кьирикъ «понос». Не исключено, что редупликация здесь возникла случайно - как результат использования экспрессивного суффикса -къ. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 911] включают нередуплицированную основу в широкий ряд соответствий, восходящих к сев.-кавк. а, jig(E «грязь, земля»;

крыз. ч!ерч!ур «болото», буд. ч!ирч!ир «заброшенное место». Лексема имеет очевидный экспрессивный характер. С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 555] включают будухскую основу с крыз. ч!ераь «пещера» в число отражений вост.-кавк. *H"VrE / *HrV"CE. На наш взгляд, связь между редуплицированной и нередуплицированной основами существует, однако редупликация имело место на протошахдагском уровне; в крызском языке:

крыз. т!аьт!аьх «папах» (с экспрессивным суффиксом). Возможно, построено по модели азерб. парақ «папах, шапка» (> цах. папах, лезг. ðanlax). С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 997] находят параллели в год. mlamla, хварш. mlumlap (< вост.-кавк. *®/®V); в арчинском языке:

арч. кьвалкьвалр-тту ~ агул. кьуь!ре-ф «узкий». С.Л. Николаев и С.А. Старостин [1994: 736] сопоставляют с авар, кьвара-, кьокъа-, кар. кьора-, ахв. кьварада-, чам. кьора-, тинд. кьвара-, бежт. кьакъало, дарг. кьакъа-си, восстанавливая восточнокавказскую нередуплицированную основу *SvarHV. В то же время наличие в аварском как редуплицированного, так и нередуплицированного коррелятов заставляет актуализировать вопрос о грамматической (лексико-семантической?) корреляции двух типов основ на общевосточнокавказском уровне.

В диссертации исследованы также случаи параллельного развития редупликации в нескольких языках. Так, в следующих примерах имеет место вторичная редупликация в табасаранском, агульском и крызском языках:

горький: лезг. туйкьуьл, таб. кьутъчи, кьуркьли (дуб.), агул. кьулкьулф, рут. дыкьыГчды, крыз. кьаьпъуьл, арч. кьала. Ср. Талибов 1960: 301; 1980: 307; Лексика 1971: 219; Гигинейшвили 1977: 103; Загаров 1987: 89; Мко!ауеу, 8!агоБип 1994: 912 (< сев.-кавк. Налицо

семантическая мотивация экспрессивной редупликации: обозначение неприятного вкуса. С.Л. Николаев и С.А. Старостин считают общелезгинскую основу производной от "", I «соль». Если табасаранский и агульский языки могли унаследовать общую редуплицированную основу, то в сравнении с крызским мы имеем параллельное развитие. Редупликация отмечена также в даргинском языке.

Анализ языкового материала в диссертации показал, что не всегда «поверхностная» редупликация является действительной редупликацией: в ряде случаев совпадение различных частей основы может вызываться фонетическими (обычно ассимилятивными) процессами или же морфологическими в случае фонетического совпадения суффикса с корневой фонемой.

Другой источник «поверхностной» редупликации, также не имеющей ничего общего с действительным удвоением, — заимствование. Исходная форма в языке-источнике при этом может являться редуплицированной, однако на соответствующую квалификацию основы в заимствующем языке данное обстоятельство не влияет, ср.:

арч. ч1ач1а "чача", цах. ч1еч1ейбы "жмых" < груз. "виноградные выжимки". М.Ш. Халилов [2003: 299] указывает на грузинский источник для чеч. ч1ач!а "выжимки";

цах. гог IV, -ана, -ан; -ани; мн. -бы. 1. Зелень (растительность). Сувабы гоган алят1у Горы покрыты зеленью. 2. Зелень нивы, зеленая нива, хлеба. Югун гогбы вод Хорошие хлеба. Заимствовано из азерб. гбу. 1) небо; 2) синий; 3) зелень.

Таким образом, специфика функционирования редупликации в дагестанских языках, вообще, и в лезгинских языках, в частности, показывает, что данный лингвистический феномен представлен в них в трех различных функциональных ипостасях:

- 1) как средство исторически первичной номинации;
- 2) как средство вторичной номинации;
- 3) как средство словоизменения.

Материал исследованных языков также свидетельствует о том, что первые две, из приведенных выше функциональных возможностей редупликации, одинаково характерны практически всем упомянутым дагестанским языкам, а третья, являясь по природе своей атрибутом глаголов, в исследованных языках и функционально и семантически проявляется по-разному.

В заключении формулируются основные выводы осуществленного исследования, в ходе которого было установлено широкое распространение в этих языках различных видов редупликации. Данное явление во многих своих аспектах не получило адекватного описания как с точки зрения синхронии, будь то грамматическое описание или словарные материалы, так и с точки зрения диахронии. Как выявлено в диссертации, причины этого кроются уже в неопределенности самого понятия редупликация и ее разновидностей, в частности, в отношении редупликации к некоторым смежным понятиям, отдельными характеристиками, напоминающими редупликацию: словосложение, фразеологизм, сингармонизм и некоторым другим.